
ПРЕДИСЛОВИЕ*

Я не критик-рецензент, не полемист, не специалист в области слова и никогда не осмелился бы выступить со своим предисловием к этой книге, если бы не одно существенное «но»: человек, о котором в ней рассказывается, — мой отец. Оставаясь приверженцем принципа полной творческой свободы, разделяя взгляды молодого, талантливого автора Дмитрия Минчёнка, мы прониклись обоюдным желанием сделать книгу не только рассказом, повествующим в хронологическом порядке о событиях тех далеких дней, но и правдивым, без прикрас человеческим документом. Использовать малоизвестные архивные материалы, письма, фотографии обязывала не только сама жизнь, неумолимо, час за часом, день за днем, отсчитывающая лимит опущенного времени, но и святая сыновняя обязанность не допустить забвения того, что осталось, как говорят, «за кадром».

За многие годы, пролетевшие после смерти композитора в 1955 году, сменилось не одно поколение людей, преобразилась жизнь, страна, другим стало отношение к тем или иным событиям, к тем или иным личностям. Что воспевалось раньше, предается анафеме, что было хорошо тогда — сейчас стало ненужным. Отец жил в тяжелое и в то же время счастливое и светлое время. Оно было детством, юностью, молодостью того поколения, к которому принадлежал мой отец. Его современники кипели энтузиазмом и смело смотрели в солнечное завтра. Но оно было и глубо-

* Написано старшим сыном композитора Евгением Исааковичем Дунаевским (1932—2000) при работе над первым вариантом биографии Исаака Осиповича Дунаевского: *Минчёнок Д. А. Исаак Дунаевский: Большой концерт*. М.; Смоленск: Олимп; Русич, 1998 (Человек-легенда).

ко трагичным, так как надежды разбивались о чудовищные деяния «культы личности».

В предреволюционные годы, в середине 1920-х некоторые деятели искусств, в том числе и Александр Блок, еще верили в очистительную миссию революции, видели в ней стихийную силу, сметающую все на своем пути, в том числе захламленность и застой буржуазной обывательщины и мещанской морали. Мой отец в 1920-е годы мог сообщить в письме, что «его очень интересует такая вещь, как джаз-банд», что он «упивается работой над партитурой, насыщенной новейшими сложными гармониями», и мог, не боясь, назвать свою работу над ораторией «Коммунисты» «халтурой, которая так только и делается». Но прозрение наступило быстро, все иллюзии развеялись. Началось генеральное наступление пролетарских ассоциаций, созданных по указанию свыше, на культуру и искусство. Это делалось под знаменами пролетарской и партийной идеологии. Художник мог быть ошельмован, сослан, расстрелян только за то, что его музыка, картина, поэма или пьеса не вписывались в идеологическое понимание вождя. «Кремлевский горец с тараканьими усищами» начинал формулировать свой пресловутый метод соцреализма.

В наше время многие несведущие люди ассоциируют творчество композитора только с «культом личности» Сталина, считают его певцом сталинской эпохи. Помню, как в конце 1980-х, во время подготовки маленького юбилейного концерта в летнем театре Филевского парка, к организаторам вечера ворвались двое и стали угрожать, требуя отмены концерта. В 1990-е годы мне не раз приходилось выражать письменный протест в адрес журналов и телередакций, грубо искажавших облик композитора и по-хамски относящихся к его музыкальному наследию.

Перелистываю страницы архивных материалов, вчитываюсь в названия сочинений отца — их 329 (переданных в Центральный государственный архив города Москвы) плюс находящиеся в моем личном архиве. Двенадцать оперетт, свыше восьмидесяти пьес, 30 фильмов, произведения для фортепьяно, симфонического оркестра, джазового оркестра, струнных ансамблей, музыка обзрений, романсы и т. д. Ищу специальную, что можно как-то увязать с именем Сталина, с его «культом». Читаю названия: «Осень» — произведение для двух скрипок, «Незнакомка» Александра Блока, «Скорбная песня», «Драматический квартет № 1», «Вальс для симфонического оркестра», «Рапсодия на русские темы для симфонического оркестра»... Может быть,

найду в разделе песен? Дальше читаю: «На разъезде», «Баллада о Москве» (слова Михаила Светлова), «Дальняя сторожка», «Хороша столица наша!», «Без меня никого не люби», «За здоровье советских людей» и т. д. и т. п. Есть! Нашел! «Песня о Сталине» — для трехголосого хора и фортепьяно (конец 1930-х годов, слова Михаила Июшкина). Вот еще! «Песня о Сталине» (1945 год, слова Сергея Васильева и Александра Коваленкова). «Песня о сталинском наркоме». Культовая?! 1939 год. Всё! Больше ничего не нашел! И это — культовый композитор?!

То, что отец был патриотом своей страны, несомненно. Он любил людей, воспевал любовь, дружбу, молодость. С этим он определился сразу, в самом начале своей творческой жизни. И не надо его винить за то, что он создатель двух песен-гимнов, которые наиболее полно выразили дух той эпохи: «Песни о Родине» и «Марша энтузиастов».

В книге повествуется о жизни, работе, увлечениях и любви композитора Исаака Дунаевского. Я очень хорошо помню отца, начиная с четырех лет. Более обаятельного, милого, отзывчивого человека в быту я не встречал. Меня он обожал, баловал. Когда возвращался вечером домой, не было случая, чтобы не приносил того, чему не радовалась бы моя детская душа.

Почему-то запомнился эпизод, когда мне не было и пяти лет и мы снимали две комнаты на Бородинской улице, 4, в Ленинграде. Отец принес пачку печенья, на которой было изображено сердце таким, каким его обычно рисуют. Я спросил, что изображено. Он посмотрел на меня внимательно и серьезно стал объяснять, что этот предмет есть у каждого человека, он находится в груди и называется сердцем. «Слышишь, как оно стучит? Без него жить нельзя! И оно все время работает, не отдыхая ни на миг! Стучит беспрерывно всю жизнь! И позволяет двигаться, работать, сочинять музыку и любить тебя, твою маму и всех близких». Тогда я осторожно поинтересовался: «Ну а если оно остановится?» Он вздохнул, опять серьезно посмотрел на меня и ответил: «Тогда этот человек умрет. Он не сможет дышать, двигаться, любить и сочинять музыку, и постепенно его забудут!» Вот этого я никак не мог понять и еще долго приставал со своими вопросами. Прошло столько лет, прошла почти вся моя жизнь. Сорок три года назад умер отец — у него остановилось сердце, 19 лет тому назад умерла от остановки сердца мама, а я все вспоминаю эту символическую сценку далекого детства над пачкой печенья.

Появилась, наконец, возможность высветить те безрадостные годы в жизни отца, которые мало кому известны: 1942—1944 и 1951—1952 годы. Во время поездки ансамбля песни и пляски Центрального дома железнодорожников по городам и весям страны (тогда он серьезно увлекся молодой, красивой женщиной — солисткой ансамбля Зоей Ивановной Пашковой) отец руководил художественной частью большого коллектива. Он много дирижировал в концертах, как правило, первым отделением, где в основном исполнялась его авторская музыка. Много времени уделял обработке песен и плясок народов мира, которые входили в репертуар второго отделения концертов. Вторым отделением дирижировали или его старый знакомый по Ленинграду Сергей Петрович Герчиков или Евгений Августович Кангер. В поездке он, естественно, отошел от работы в секретариате Союза композиторов, не был переизбран. Кипучая, творческая энергия Дунаевского, бывшая через край в предвоенные годы, сменилась некоторым спадом, «творческим тормозом», как пишет сам композитор в одном из писем. Начались материальные трудности.

Все военные годы мы с мамой жили в эвакуации — сначала в глубокой сибирской деревеньке Успенке на берегу Оби, а позднее в Новосибирске. Отец постоянно, через знакомых или посыльных, присылал нам весточки о себе, иногда деньги и посылки. Практически из каждого пункта, где останавливался поезд с ансамблем, от него приходило письмо, в котором он беспокоился о нас, просил чаще писать ему, делился своими впечатлениями о событиях на фронте. Мама очень нервничала, боялась остаться в эвакуации навсегда. Письма ее были тревожными и драматичными, папины — успокаивающими и вселяющими надежду и бодрость.

Помню, еще в Новосибирске, когда наш поезд стоял на запасных путях и мы жили в теплушках, пришел большой и шумный человек — знаменитый Иван Иванович Солертинский, передал что-то от папы. А когда ансамбль проезжал через Новосибирск, мы наконец встретились с отцом, и я увидел, как он сдал внешне: осунулся, постарел, жаловался маме на плохое самочувствие. Он много курил, буквально не вынимал папиросу изо рта. Я его не представляю без папиросы. У меня сохранилась пепельница с бронзовой головой негра, держащего в зубах папироску, которая всегда стояла на письменном столе отца и которая до удивления походила на него.

Этот период дал возможность недругам отца обвинить его в трусости, в моральном и творческом застое. У меня сохранилось письмо отца Араму Ильичу Хачатуряну, в котором он объясняет сложившуюся ситуацию. Но не надо забывать, что Дунаевский писал в этот период и хорошую музыку. Как много эпизодов войны, на которые творчески откликнулся композитор! Кантата «Ленинград, мы с тобой» (слова Семена Липкина), «За Родину — вперед!» (слова Василия Лебедева-Кумача), «Море», «Мы придем» (1942, слова Леонида Мартынова), «Песня 9-й Гвардейской» (1942), «Гвардейский привал» (1942), «Песня 62-й Армии» (1943), «Слава Армии народной» (1944) и т. д. Я только выборочно назвал некоторые песни. А еще были «Песня о Москве» (1942), ставшая гимном столицы, много лирических песен, таких как «Снова поет соловей» (1945), «Сторонка родная» (1945), «Ехал я из Берлина» (1945), «Не тревожь ты себя, не тревожь» (1943), «Вагоны-вагоны» (1943) и т. д. Можно ли говорить о творческом бессилии?

Наступил полувековой юбилей. Отец встретил его полным творческого горения и планов на будущее. Но тяжелая драма подкрадывалась исподтишка. Книга рассказывает о нашем семейном несчастье. Могу только добавить как основной участник этой драмы, что все грязные слухи и пересуды вокруг этого действительно страшного и нелепого случая никакого отношения к правде и действительности не имеют. Кто их распускал, у того на совести пусть это и останется. Я до сих пор несу на своих далеко не атлетических плечах тяжелую ношу сплетен и слухов, а ведь прошло уже 47 лет с того несчастного вечера, когда в ноябре 1951 года на моей машине, украденной так называемыми приятелями, разбилась девушка. Они решили покататься, не умея как следует управлять автомобилем. Была сильная гололедица, девушка, сидевшая за рулем, не справилась с трудной дорогой — машина перевернулась. Если бы машина была не с открытым верхом (кабриолет), никто вообще бы не пострадал. Умерла талантливая, юная, красивая Зина Халеева, студентка третьего курса ВГИКа.

Наверное, есть некая закономерность в том, что такие драмы, как неожиданная смерть, накладывают отпечаток на всю дальнейшую судьбу человека, нормального человека, каким я себя до сих пор и считаю. Не имея непосредственного отношения к этому трагическому случаю, ибо спал и ничего не ведал, я вынужден был стоически выслушивать шепот за спиной: «Это тот самый, который убил и закопал,

а папа из-за этого застрелился!» Этот трагический случай фатально повлиял на мою жизнь, на нашу фамилию.

Что говорить о душевном состоянии папы и мамы?! Сохранилось письмо отца министру культуры Николаю Михайлову, где он, ничего не приукрашивая, излагает суть происшедшего, дает мне характеристику. Он верил в мою нравственную безупречность и в мое будущее.

В 1952 году появился грязный пасквиль на отца в газете «Советское искусство» под названием «Печальный акт». К нему приложили руку недруги и завистники композитора, воспользовавшись его тяжелым моральным состоянием. Их имена известны, но что от этого? Советская печать тогда была «самой правдивой в мире». Опровержений при Сталине не полагалось. Можно было только соглашаться и каяться.

В условиях сталинского режима перо журналиста уподоблялось смертоносному жалу и очень часто это страшное «оружие» находилось в руках человека с низким нравственным потенциалом. Статья, фельетон очень часто ломали судьбу ни в чем не повинного человека в лучшем случае, а в худшем — приводили к аресту и даже гибели героя статьи. Обычно за спиной журналиста стояли вершители судеб — партийные идеологи или сильные люди со связями, просто сводящие сче­ты.

Отец ходил черный от переживаний, пытался протестовать, искал правду, писал, что все было не так, все искажено, но доказать никому ничего не мог. Стенограмму его выступления заранее уничтожили. Ходил за помощью к первому секретарю Союза композиторов Тихону Хренникову. Тот беспомощно разводил руками: «Кайтесь, Исаак Осипович, кайтесь!» А здоровье отца расшаталось окончательно: страшно болели ноги. Пошаливало сердце. Последние годы своей жизни он походил на старичка, ходил уже с палочкой. Врачи после его смерти, при патологоанатомическом исследовании, удивились: как он мог вообще дожить до пятидесяти пяти лет с таким изношенным организмом?

Пожалуй, из всех своих соратников, кроме Василия Ивановича Лебедева-Кумача, Дунаевский ушел из жизни первым. Сейчас не осталось никого, кто бы мог поделиться воспоминаниями. Моя мама, Зинаида Александровна Дунаевская, так и не оправилась после смерти мужа, здоровье ее быстро ухудшалось, ноги отказывали, отказывало и сердце. Она слегла и не вставала 12 лет. Кроме меня у нее никого не осталось, ухаживать за лежачей больной было

трудно. Но я сделал все, чтобы скрасить ее и так не очень радостную жизнь. Она отвечала мне любовью.

До последнего дня я боролся за продление ее жизни. Последние годы прошли в больницах. Помню зимнюю февральскую ночь в 60-й больнице, что на шоссе Энтузиастов. Я нелегально пробираться в помещение реанимации. Рядом комната дежурного по реанимации. Врач, краснолицый, похожий на мясника человек, вдребезги пьяный, сидит за столом с бутылкой. Милостиво, за бутылку же, он пропустил меня к маме. Тишина, тоскливо гудит то ли зуммер, то ли поддерживающий искусственное дыхание аппарат. В реанимационной, холодной, выложенной кафелем комнате, мертвый синий свет. В комнате трое: умирающий, в коме, пожилой грузный мужчина, задернутый наполовину занавеской (его хриплое, судорожное дыхание вызывает у меня ощущение боли в груди); слева под простыней чье-то тело; справа вижу маму. Она в забытии, но, когда я подошел к ней, открыла глаза. Говорить мама уже не могла, но по ее глазам, вспыхнувшим каким-то голубым сиянием при виде меня, я понял, что она в сознании и все понимает. Я взял ее холодную руку в свою и почувствовал еле уловимое пожатие. Она просталась со мной. Так и остались во мне ее глаза, полные слез и любви.

Мама умерла рано утром 18 февраля 1979 года после того, как врач сказал мне, что кризис миновал, больная заснула, а я могу идти домой спать.

Несмотря на сложную, противоречивую, но богато одаренную натуру отца, с его порывами, увлечениями, врожденной порядочностью и честностью, не было человека ближе ему и роднее, чем моя мама. Тридцать лет совместной жизни, наполненных радостью молодости, трудностями бытия, обоюдным счастьем любви и супружеской жизни, рождением ребенка и первой изменой, дальнейшими увлечениями отца, так и не разлучили их. Они лежат в одной могиле на Новодевичьем кладбище.

В 2000 году человечество будет отмечать свой главный юбилей от Рождества Христова. Ровеснику века, композитору Исааку Дунаевскому, исполнилось бы 100 лет. Хотелось бы, чтобы люди, отмечая свой великий праздник, вспомнили о человеке, музыку которого так любили их отцы и деды.

*Евгений Дунаевский,
1998 год*

ОТ АВТОРА

Он был очень невысоким — чуть ниже среднего роста. А вес произведений, сочиненных им, — больше тонны!

5 миллионов 700 тысяч написанных нот. Если я не ошибся, считая на костяшках бухгалтерских счетов. Тридцать фильмов, — музыку к которым он написал. И ни одного фильма о нем. Я про художественные.

Вот то подношение, которое человечество воздвигло гениальному Исааку Дунаевскому!

Самое роковое, самое последнее и страстное — воссозданная версия любви и жизни великого композитора. Кем был этот маленький человек, который никогда не пил колы и не читал Кена Кизи? Гений в искусстве, в любви — один из нас! Главный мелодист сталинской эпохи, жизнь которого могла бы стать историей про сказочного принца, в которой не было бы ни света, ни любви, если бы все это он не умел превращать в неистовую мелодию.

348* песен о силе страсти под грохот печей мартена.

348 поводов застрелиться или броситься под поезд! Ведь неуспех равнозначен гибели.

И ни одного провала.

Ошеломительная история о невероятной силе. Силе духа.

В самом ли деле ты обладаешь тайной властью над миром, будучи гением, или ты просто игрушка слепых сил, куда более могущественных, чем те, что дают тебе надежду оставаться человеком?

Правда ли, что только любовь способна примирить тебя с таким миром?! Может быть, пространство.

Ленинград!

* 348 — число песен, включая малоизвестные, и набросков сочинений Исаака Дунаевского, разысканных автором.

Переезд в этот город — что это? Просто совпадение? Или некая дорожка к тайне, которую гений оставил нам разгадывать.

Что значили эти встречи в жизни Исаака? Сотни тысяч поклонников. Из них только один — главный.

Что, если встреча со Сталиным — это ключ к пониманию тайны жизни и смерти Дунаевского?

Жизнь без правил, приношения — без жертв, удовольствие — без морали — в своей жизни Дунаевский дошел до роковой черты, за пределами которой число случайностей, которые могли привести его к смерти, бесконечно умножилось.

В разладе с любимой, в отсутствии надежды и с избытком утопических желаний, в какой-то роковой схватке за свою жизнь Дунаевский пришел к гармониям нового сорта. Он оторвался от того, что любил прежде.

Семь нот, семь смертных грехов, семь добродетелей.

Дунаевский играл на всем сразу.

Каждый из этих рядов ведет к вершине. Сорваться можно с любой.

Кто-то однажды сказал о нем: «Он был слишком прозорлив, чтобы не замечать соблазнов, и слишком человек, чтобы избегать их».

Один неправильный миг изменил всё... Катастрофа для его народа стала катастрофой и для него.

Война.

Легкое и возбуждающее, как шампанское, волнуемое и радующее, как легенда о жизни божественного художника, зрелище.

С Дунаевского — Дуни началась история богемы. Он был первым, кто начал вести независимую жизнь вольного художника. Пусть подчас она была полна лишений, но зато живущий ею был полновластным хозяином своей судьбы и никто не мог приказывать ему, что делать.

А когда заказов было много и чаша жизни полна, более приятного бытия, чем жизнь обеспеченного художника, трудно представить.

Если бы не было Дунаевского, не было бы Утесова, Александра, Майи Кристалинской, Клавдии Шульженко... Аллы Пугачевой, «Цветов зла», хиппи, не было бы всей советской музыки... и не родилась бы эта легендарная, безалаберная, проклятая, обесчещенная и превознесенная в века общность под названием — советская музыка.

Ее ангел и демон, милость и проклятие — Дунаевский.

Как могла бы сложиться его жизнь, если бы он не стал музыкантом? В Америке он был бы бойскаутом, в Поль-

ше — бомжом, в Италии — дворянином, но в искусстве... остался величайшим гением всех времен, эдакой машиной по производству божественных мелодий.

О нем самом можно узнать из его музыки, о его жизни — из книг, кинофильмов и теперь — из уст шансонье и рок-музыкантов. Что же касается всего остального...

Я слушал его долго — и это стоило мне нервов. Я слушал его до конца — и это стоило мне слез. Так я познакомился с Исааком Дунаевским.

Насколько я изменился, пока писал роман про Дунаевского? Только это показывает силу, с которой ты погрузился в ту жизнь, которая тебя меняет.

Даже когда нет хлеба, а порой и в радости, что его — нет, понимаешь, что можно делать все не «за хлеб», и будешь делать не «за хлеб», потому что есть вещи более значимые. Может быть, ради этого и живешь.

Пока я пытался понять судьбу моего героя, я осознал, что такое «провинциальность». Это качество людей, цели которых никогда не поднимаются выше самого прямого исполнения поставленной — «за хлеб» — задачи. У них не болит об этом душа, не болит ничего, в лучшем случае радеет только их тщеславие. Дунаевский жил за счет того, что писал музыку. Писал, восхваляя или прославляя абстрактные величины, которые не существуют в жизни. Это заблуждение, что любви к родине можно научить. Можно научить испытывать ненависть к противникам твоей любви, которые хотят тебя согнать с родной земли.

Любовью к абстрактным понятиям я называю любовь к тому, что выходит за пределы осязаемого. Но оно — абстрактное существует, его надо только ощутить. Рядом с Дунаевским про «любовь к родине» сочиняли сотни других. Люди, которые занимались этим только «по долгу службы». У них было доброе сердце, они вполне честные, но их душа не болит от любви, о которой они сочиняли, их в лучшем случае просто радовало признание публики.

Для Исаака Дунаевского его музыка не была «областью служения». Музыка в целом можно воспринимать как приятную «картинку» для мозга, но она может подняться выше человеческого любования, стать величественной, возвысить слушателя, и... сделать его причастным силе духа, который, парадоксально опираясь на простое земное желание продолжать себя в вечности, копируя умение эгоистически переживать только за самого себя, вдруг теряет земные, низменные свойства души. Иначе как Божьим вмешатель-

ством это не назвать. Богоявление происходит тогда, когда в какой-то момент наш эгоизм теряется.

Когда этот момент наступает?

Человек по своему устройению всегда бунтует. Он знает силу бунта.

Когда у людей этот дух открывается — я не буду говорить, что его высвобождает только музыка, но именно тогда композитор и становился гением. Бунтарский дух наполнял жизнь Дунаевского той самой жертвенностью, которая мне понятна, приемлема, и чему я тоже пытаюсь следовать. Дойти до пределов самоотречения можно во всех сферах деятельности. Для этого не надо быть профессионалом. Надо быть великим любителем (от слова *любить* свое дело больше, чем себя) и быть (хоть это совсем непросто) человеком, чье милосердие к другим довлеет над самосохранением. Можно быть умным, ленивым, добрым или злым. Весь вопрос, когда все это станет неважным, когда искоренится стремление и к «хлебу», и к «золоту». Все заполнится силой, преодолевающей и страхи внутри тебя, и внешние препятствия. Это и есть сила духа, входящего в тебя не по твоей воле, но по велению Создателя. У Исаака было только семь нот, ведущих его туда, где личные желания ничего не значат. Он приносил жертву, и его жертва обрела бессмертие. Она зовется «музыкой Исаака Дунаевского».

Когда предполагается пауза, а слова произносятся словно на последнем дыхании, хочется выразить благодарность тем людям, великанам духа, которые мне помогали все время, пока я писал эту книгу. Прежде всего ушедшим, которые мне по сию пору доказывают, что смерть — это не последняя инстанция.

Моей жене и возлюбленной режиссеру Ольге Давидовне Дубинской, матери моего ребенка, рано, очень рано ушедшей из жизни, следуя долгу чести и милосердия, обретшей статус Героя после смерти.

Моим родителям — Минченок Татьяне Владимировне и Минчёнку Анатолию Васильевичу, ставшими первыми читателями обновленной книги.

Моему другу Евгению Исааковичу Дунаевскому.

Главному редактору «Молодой гвардии», моему другу Андрею Витальевичу Петрову, с которым мы задумали три новые книги.

Отдельный низкий поклон тем, кто меня терпит и поддерживает в жизни:

моей дочери, фотохудожнику, подарившей мне пару иллюстраций для этой книги, а главное смысл: зачем я живу — Нине Минченок;

Нане Куликовой, которая вытаскивает меня из трясины боли, вдохновляя, дает ответы на трудные для меня вопросы;

Максиму Дунаевскому, в лице которого я обрел брата и с которым я никак не закончу оперу;

Римме Дунаевской, которая хранит память о муже и свекре;

моему другу писателю Марии Залесской, которая каждый раз, когда у меня кончались силы, вдохновляла меня к покорению новых вершин.

И всем тем друзьям, кто читает мои книги, ходит на мои спектакли, любя меня просто за то, что я есть, заставляя понять, что они и есть мое главное сокровище.

Ноябрь 2021 года

Исаак из Лохвицы

Он шел по Лохвице* и вспоминал.

По легенде — рождение случилось, когда на небе сияли звезды, следовательно, было за пять часов вечера (зимние сумерки — ранние). Новорожденного встречали пронзительно яркие всполохи света.

Какая могучая мистерия сопровождала тот миг?

Смерть, точнее небытие (или какая-то другая форма не совсем жизни, что царствует только в лоне матери), еще не покинула пределы того крохотного клочка суши, каковое представляло его тело, и радость рождения еще не затопила все видимые и невидимые окрестности места.

Зато отмечалось присутствие Наблюдателя.

Можно сказать, что ночное небо сыграло роль волшебной линзы. Если за нею где-то и был творец, то самый непознанный, потому что он же был и инструментом своего творения.

Загадочный Наблюдатель присматривался к происходящему, рассматривая младенца через себя.

Роженица по имени Розалия почувствовала вмешательство необычного.

Яркость звезд усилилась, словно небо ощутило весомость происшествия. Подало знак неизбежной грядущей расплаты. Небо на что-то намекало, как и голоса повивальных бабок, гипнотизировавших роженицу. А потом мир замер. Желания кончились, словно природа выдохлась, и чудо вошло в непримиримое противоречие с рутинной действительностью.

Все перестало казаться значительным: тряпки, эмалированный таз, грязное небо за окном.

* Город в Полтавской области (Украина).

Цвет крови поблек и стерся.

Грандиозное действие закончилось, уступив место ничего не значащим деталям. Не было ни акта зачатия, ни шевеления космоса, ни дыхания серафимов.

Остались стыдливая ласка да шуршание покровов. Представляя ту картину, я слышу слабые стоны женщины, как отзвук доносящейся из темноты симфонии. Штука заключается в том, что ребенок услышал шуршание невидимого оркестра — так позже вспоминал его старший брат Борис — и успокоился. Мальчик оказался не крикливый. Словно к чему-то прислушивался. Когда пройдет испуг, когда начнется разбазаривание великой тайны и когда он, наконец, ощутит себя исполнителем чьей-то загадочной воли?

А могло ли всё пойти по-другому?

Еще кто-нибудь слышал то же, что и он?

В ситуации, когда страсть обретает размах космоса, можно ли было ощутить что-то другое? Сдвинулось ли в мире что-либо с его первым криком?

Или его явление из лона матери было рядовым событием, чтобы человечество могло еще на одну ступеньку приблизиться к будущему, а величие пришло потом?

А может, всему виной был Большой взрыв? Ведь герои приходят оттуда.

Молодой Исаак, тридцатилетний, в своих горячих спорах по поводу прогресса и жизни иногда упоминал о своем детстве... Эти воспоминания были прикрыты завесой тайны. О чем умалчивалось? О том самом резонансе в квантовой психологии? Есть свидетельства его друга — актера Владимира Казаринова о том, с каким жаром Исаак пытался объяснить, что мир невидимых частиц подобен шахматам, но к каким выгодам может привести победа одного «игрока» над другим, совершенно неясно. Однако польза несомненна! Квантовая физика вызывала его интерес и манила загадочностью. Размышления о мире космическом и мире человеческом в определенной степени овладевали его сознанием, но не вполне поддавались осмыслению умом. Но на сердце оставались рубцы.

В 1900 году 18 января по старому стилю родился чудо-ребенок, но будем говорить честно в момент рождения быть уверенным в том, кого ты произвел на свет: мессию или коллежского асессора, было невозможно.

От того, что было столь много частного, многовариантного, процесс формирования личности шел во всех направ-

лениях. Болезни, плохое питание, что угодно другое могло повлиять и сотворить из божественного младенца посредственность. Что за занавесом?

Проекция любовной страсти. Последствия вспышек недопонимания. Случайность встречи скромного Цали Дунаевского с яркой красоткой Розалией, дочерью Исаака Бронштейна и его жены Зислы. Можно было назвать это проведением, хотя в такой же степени и произволом. Но на небесах сделка состоялась. Все было оплачено апрельской ночью 1899 года. Тьма сгустилась и закончилась прозрением младенца 30 января по новому стилю. 1900 года.

Место происшествия — городок Лохвица. Главные герои — семья банковского служащего Бецалея-Иосифа бен Симона-Авраама* Дунаевского. Зрители — любопытные соседи. (В роли статиста — молодой папаша Цали Дунаевский. В роли премьера — его дитя, будущий Красный Моцарт.)

Впрочем, как я уже сказал, кто вырастет из этого крохотного комочка боли со старческим лицом, никто не то что не знал (незнание свойственно человеческому роду), но даже и не думал, ибо хватало других забот. Во-первых, крики роженицы. Впрочем, не сильные и не продолжительные. Напомню, роды были третьи. Во-вторых, привычка радоваться. И это событие случилось.

Звезды утомленно взирали на реку Сухую Лохвицу. В тот год она обмелела. Я листал специальные справочники. Если это можно было считать предзнаменованием, то значит, оно им было явлено. Вечное сияние чистого разума. Мальчика назвали Исааком, в честь великого библейского патриарха, которого собственный отец был готов принести в жертву, но парень вышел из передраги победителем благодаря Божественному вмешательству. Значит, и святые пользуются блатом. А как иначе? Как положено.

Накануне первой же субботы после появления на свет сына устроили шолем зохер — торжество в честь рождения мальчика, которое полагается совершать накануне обрезания.

Обрезание — брит мила.

Многие думают (и я в том числе) об этой процедуре с ужасом. На самом деле, нет ничего страшного. Мужчины, это пережившие, вспоминая подробности, даже смеются. Младенцы — нет.

* Русифицированные варианты его имени — Бецалель (Цали) Симонович, Иосиф Симонович.

Упрямые.

Предпочитают кричать. Тоже хорошая форма подачи самого себя.

Шуршали ритуальные одеяния старцев, похожих под своими полосатыми покрывалами-талитами на зебр. Столы в доме покрыли белыми скатертями. Самый дряхлый, мозель* — лицом списанный с библейского пророка, бормоча под нос «Шма Израэль...»**, ритуальным ножом отрезал частицу плоти под животиком новорожденного. Присутствующие мужчины закричали: «Мазаль тов!»***

Жизнь начинается со страдания, не правда ли? Борода мозеля приглушила истошный вопль младенца.

К списку имен избранных прибавилось новое имя.

Завидная доля.

В те времена синематографа еще не изобрели, и потому после праздника все запрокинули головы, разинули рты и вышли из хаты... Смотреть на звезды. Напомню, январь был не колючий, и снег заменял полотно экрана. Зрелище завораживало.

Согласно преданию — а легенды играют весьма большую роль в биографиях гениев — снег был до крыш, а кое-где и выше. Это не фантазия. В одном из писем герой на склоне лет писал: «Когда я родился, — как говорила мама, — было очень много снега, может быть потому я теперь люблю все белое».

Звезды — единственное, что служит тоскливой мечте о свете и его недостижимости. Именно это порождает страдание, как уют — причину пожара. Как хорошо смотреть на звезды. И как грустно. Они вспыхивают, и ты чувствуешь удивительную связь с чем-то неземным в твоей душе. Только понять, отчего грустно, на скорбь от какой утраты намекает сияние звезд, нельзя. Ты словно понимаешь, что потерял любовь всей своей жизни, а она тебя все еще ждет. И ты пробуешь до нее дотянуться. Только размаха рук не хватает. Как преодолеть свои слабости, перешагнуть через века, простить предательство, чтобы вновь обрести любимую?

А звезды обвиняют и зовут. В этом смысл сияния.

Вы думаете, крохотный пучок света из пучины мрака и холода? И от мерцания звезд нет тепла? Ошибаетесь. На-

* Человек, совершающий обрезание.

** Начало молитвы «Слушай, Израиль...».

*** Фраза на иврите, которая используется для поздравления в честь какого-либо события в жизни человека.

ша жизнь пронизана светом миллиардов таких звезд. Бесчисленное множество одиноких сердец отзываются на них. Их теплом можно согреть большой город, в котором вспыхивают холодные окна.

* * *

Когда ты с самого рождения ощущаешь тоску, кем в большей степени ты станешь: мечтателем или победителем-завоевателем? Для звезд нет никакой разницы, понимают ли суть их движения. Понимают ли смысл сияния?

Они готовы выразить каждому свое сожаление, что так далеки от нас. А может, это и к лучшему? Небо после рождения мальчика стало назойливым и неинтересным.

А его монстры? Куда делись они?

Растворились в тишине. Страхи маленького мальчика — скрежещущие звуки, впервые обретшие прописку в его ушах, заглушились дребезжанием тазов и грохотом кухонной утвари. Мальчик воззрелся на мир.

Вы когда-нибудь видели портреты почтенных старцев витебского художника Иегуды Пэна? В их глазах отражается вся скорбь и тоска еврейских переселенцев.

Именно такие печальные глаза были у маленького Исаака, очень напоминающие его отца — Бецалея Симоновича, чью фотокарточку мне показал его внук Геня — Евгений Исаакович Дунаевский, первенец композитора.

Цали наверняка гордился тем, что вторым у него родился мальчик. Предыдущая девочка Зисла (вписанная в документы советского времени как Зинаида), появившаяся после первенца Боруха (Бориса), годилась для других дел, но не для сражения с Голиафом, и потому была не в счет. Миру требовался боец. В том, что сражение состоится, отец не сомневался. Цали служил кассиром в банке Общества взаимного кредита. Ответственная должность, если вы должны общаться с общинными деньгами.

Общество располагалось в добротном двухэтажном здании, к массивной двери которого вели три ступени. Если вы когда-нибудь восходили по ступеням таких зданий, то не могли не почувствовать внутреннего трепета. Вас что-то приподнимало в собственных глазах. Что? Не знаю. Но вы точно воспаряли духом. Перед вашими глазами маячили загадочные вершины. С предоставленной там жилплощадью на острие иглы, способной вместить как простых жильцов, так и ответственных квартиросъемщиков с крыльями.

Впрочем, я заболтался.

В Лохвице тоже любили уколоть языком, сшивая для соседа саван. А если сосед был еще и «заметный»... Цали Симоновича в городе знали.

Служба в Обществе взаимного кредита возвышала его в глазах окружающих. При взгляде на него суетливое, мелкое и любящее деньги «я» каждого просителя вдруг растворялось и уступало место чему-то более значимому, не имеющему никакого отношения к человеческому эго.

Я не хочу сказать, что в городских учреждениях Лохвицы работали ангелы. Служившие там люди были обычными смертными. Цали Симонович вступил в должность после того, как три кассира подряд скоропостижно умерли. Сгорели на работе. Прямо перед аудитом.

И вот они опять — три ступени — те самые, коварные. Неважно, идет речь о жизни или о смерти. Всегда натыкаешься на ступени, которые либо возносят, либо низводят. Это условие.

Но не в них дело. Тайна там, где вход и выход.

Тайна в преображении.

Это преображение сопряжено с перемещением не в пространстве, а во времени. Оно происходит с каждым при подъеме по ступеням (или спуске). Оно придает значимость и могущество, но опасно и мало исследовано по причине сложных взаимоотношений человека и Хроноса.

Прямая зависимость от скоротечности времени и накопления груза переживаний независимо от числа прожитых лет неизбежно приводит к старости, зачастую преждевременной, и как следствие — к ранней смерти.

Три предыдущих кассира это знали, но унесли тайну с собой.

Поэтому Цали Симонович, ни о чем не задумываясь, с энтузиазмом принялся работать на их месте.

И его дела пошли в гору. Общество взаимного кредита было способно на чудеса. А Цали Симонович оказался главным кудесником, умевшим сотворить фокусы с деньгами.

Понимаете? Возможно, что нет. Ну и не важно.

Важно, что ему доверяли.

А доверие в еврейском местечке вещь первостепенная.

Теперь честный Цали Дунаевский лежит на одном из старых московских кладбищ. И репутация его не портится.

Я не был на том кладбище. Жаль. Не смог прикоснуться к месту его входа в другие пространства. Зато был там, где родились его дети.

* * *

Лохвица — городок длинный, растянувшийся мускулистыми дворами вдоль реки. Точнее, речек там было несколько. Главное место в поселении — базарный двор, где происходит обмен денег на продукты и наоборот. Шум в субботу. В воскресенье — кавардак и драки. Остальные пять дней — тишина и покой. И прибежище вольного ветра.

Помните «Песенку Роберта» (из фильма «Дети капитана Гранта»): «А ну-ка песню нам пропой веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер!» Он принесся в музыку Исаака из самой Лохвицы.

Городок возник как нечто равноудаленное для всех желающих обменять силы и ум на деньги в центре мифического треугольника, который представлял собой рынок. Не пытайтесь его найти на карте. Треугольник виден, если только подняться на достаточную высоту. Главное, чтобы был пропеллер как у Карлсона.

Создатель позаботился о Лохвице. Присовокупил этому месту отдых, пришил суровыми нитками красоту. И тамошние места преобразились. Что бы вы там после этого бульдозером ни сносили, городок не переставал пленять взор. Брр... Даже колхозные тракторы в свое время местечка не обезобразили. Наоборот. До боли красивая природа впечатляла как в эпоху телеграфа, так и в эпоху летающих тарелок, несколько не испортившись. Сонмища ангелов продолжали парить в небе над пристанищем Мазепы, создавая виды, превосходящие красотой пейзажи именитых живописцев. Сапоги помещиков находили особое удовольствие мять пахучие нивы. Длинные юбки их барышень гладили пыль проселочных дорог. Из снов незадачливых архитекторов вырастали дворцы... ну, хорошо, усадьбы или просто хрущобы, главное, все хорошо. В этом и была сила Лохвицы. Место силы.

То, что в небесах над тем городком что-то было намешано, — несомненно.

* * *

До Исаака — сына Бецалея-Иосифа — в Лохвице появился на свет философ и поэт Григорий Сковорода (каюсь, я лично его штудий не читал). По крайней мере, так мне сказали в местном музее, что, правда, не соответствует Большой российской энциклопедии. Но пошло ли это

больше на пользу Сковороде или Лохвице, я не знаю. Хотя в люди он выбился. Вы спросите: город или мужчина?

Оба. В ту или иную энциклопедию «пролезли» и поэт, и город.

Может быть для кого-то Лохвица была своеобразным местом наказания, ближе которого к Киеву селиться было нельзя. Черта оседлости. Гонимые с незапамятных времен сыны Давида, населявшие местечко, в основе своей были хасидами. Совершенно особая форма жизни, на мой взгляд. Я — полухасид. Хотя бы по праву памяти. Знаете ли, как прекрасно постижение Бога через радость. Мы учимся понимать Бога через улыбку. Это здорово. Правда, число депрессивных еврейских писателей и поэтов от этого не уменьшается. Что поделаться? Всегда есть непослушные.

Правила очень простые, хотя порой в этой простоте и заключается самое невыносимое. Согласитесь, это очень трудно, когда нельзя пролить слезу, а примириться с горем можно только через веселье. А если ты на такое не способен? Если тебе детей кормить нечем? Все равно танцуй. Танцуй, даже если не можешь, даже если мозоли или на горле веревка. Танцуй через силу, пока не дождешься. Кого?

Того, кто тебе явится. Чаще всего — шестикрылый голец, весь взмыленный и уставший. С пакетом под мышкой. Почему от танца? Потому что танец — движение. Когда пляшешь, от движения в мозг выделяется дофамин. Это гормон и нейромедиатор, осуществляющий передачу электрического сигнала в определенные участки мозга, ответственные за радость. Если объяснять упрощенно, происходит «приход». Радости, разумеется.

Меня это поражало. Как сложное соединение молекул в крови превращается на каком-то уровне в психические ощущения? И как наш гнев переходит в страх, а страх — в стыд? Мы не знаем. Но процесс идет по одним и те же нейронам.

Как из электрических импульсов, «бегающих» по замкнутым контурам в человеческом мозге, рождается неповторимое ощущение собственного «я» со всеми сложностями нашей психики, нашими волнениями и страхами?

Вот в чем загадка. Сложно понять? Но нужно.

Когда-нибудь вам все объяснят биологи (или поэты). Или, по крайней мере, заставят вас поверить в то, что всё объяснили. Вот тогда будет страшно и больно от того, что мы поверим в то, что всё узнали и поняли. Мир станет скучным и сразу потускнеет. Но ненадолго. Какой-нибудь но-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru